

Война должна закончиться в Москве

Интервью Регион.Эксперта с исполнительным директором Гражданского Совета, антропологом Денисом Соколовым (видео + текст)

В. Штепа — Здравствуйте, уважаемые зрители канала Регион.Эксперт. С вами главный редактор журнала Вадим Штепа. И сегодня мы побеседуем с Денисом Соколовым, исполнительным директором и координатором Гражданского Совета – организации, которая занимается набором добровольцев в независимые формирования, воюющие на стороне Украины. Здравствуйте, Денис.

Д. Соколов — Добрый день, Вадим.

В. Штепа — Насколько я понимаю, вы преимущественно занимаетесь набором добровольцев в Сибирский батальон. Где-то еще год назад приходилось читать о некоторых разногласиях, которые существуют между тремя формированиями — Сибирским батальоном, РДК и Легионом «Свобода России». Но сегодня они принимают совместные заявления. Это означает, что разногласия удалось уладить?

Д. Соколов — Это означает, что у всех трех подразделений есть общий враг, есть общая боевая работа, общие задачи и общее командование (общее командование, я имею в виду Вооруженных сил Украины, когда они действуют на территории Украины). Так что все разногласия неактуальны.

В. Штепа — В недавнем интервью Радио Свобода вы говорили, что у русских добровольцев существует проблема идентичности. То есть они отказываются от

кремлёвской, имперской трактовки русскости, но пока чётко ещё не сформулировали, как они сами понимают эту русскость, то есть за что они борются. Вы по специальности антрополог, и можете ли пояснить ментальную, может быть даже антропологическую разницу между теми русскими, кто воюет на стороне Кремля и теми, кто на стороне Украины? Можно ли это сопоставить условно с белыми и красными эпохи Гражданской войны или с Советской армией и РОА? Они настолько же несовместимы?

Д. Соколов — Мне кажется, что такие параллели слишком далеки и даже бессмысленны. Что касается проблем идентичности, это не столько проблемы идентичности русских добровольцев — я бы за всех не говорил. Я говорю про тех, с кем мне удалось побеседовать, о том, как я сам это примерно понимаю. И это больше касается проблемы с русской идентичностью, с идентичностью русских, как предполагаемой этнической группы, про которую говорить очень сложно.

Я бы скорее говорил о проблемах идентичности русских в современной сложившейся ситуации. Потому что у **русских россиян есть идентичность, которая во многом сформирована государством**, которая во многом построена вокруг тех нарративов, которое транслирует российское, потом советское, теперь снова российское государство. **И это не совсем этническая идентичность.** Это вещи, которые нельзя рассматривать в одной категории понятий. Которые нельзя рассматривать в одной категории с чеченцами, с ингушами, с татарами или бурятами. Потому что **русских, как этнической компактной группы, которая себя идентифицирует как русские, не существует.** И проблема, про которую вы упомянули, Вадим, она связана с тем, что **государство взяло в заложники эту идентичность.** Государство и российское, и путинское, и путинский режим.

И люди либо должны с этим смириться и оставаться в этом поле — тогда получается, что вроде они должны сражаться за себя, и они оказываются на стороне путинского режима, который очень похож на сторону зла. Она является такой стороной почти религиозного зла — это то, что сейчас представляет собой путинский режим. Либо надо отказаться от этой идентичности. Тогда возникает вопрос, а кто мы? Кто мы, если мы не те россияне, которые признают всю эту историю с государством, со всеми этими мифами про тысячелетнюю Русь и так далее и тому подобное. Не буду сейчас углубляться, так как это отдельная большая история, и в которой я не являюсь специалистом. **Ибо, если мы не они, то мы кто?**

И тут получается, что мы «люди мира», мы европейцы, мы за европейские ценности. Такое существует, да. Существует на уровне формирования такого, я бы назвал это карго-культом — не в плане ругательства, а в плане того, что под этим нет политического проекта. За этим есть некая такая диванная конструкция, которая неплохая, в которой каждый человек может себя слепить в соцсетях таким, как он хотел бы себя видеть. **Но это аватарка. В этом нет крови и плоти.** А вот если кровь и плоть, то тогда за что? Политического проекта на сегодня не существует. Его только начали формировать.

Мы спрашиваем на мотивационном интервью: «Вы себя считаете русским?» Человек говорит: «Да, я себя считаю русским». Но что означает «быть русским»? Обычно всё ограничивается языком. Либо собеседник говорит: «Я считаю себя русским, но я сразу не понимаю, что это такое». Так что это в целом политическая проблема. И есть проблема, например, регионалистская, когда мы говорим про ингерманландцев. Что это

такое – ингерманландцы? Есть этнические группы, которые населяли территорию, которая сейчас Санкт-Петербург, Ленинградская область, Карелия и так далее. С этническими группами всё понятно, с этой идентичностью всё более-менее ясно. Но **когда мы говорим про регионалистскую идентичность, либо это некий конструкт, который тоже довольно фольклорно выглядит, либо это политический проект, которого пока нет.** Если мы будем копать глубже (может быть я сейчас захожу слишком далеко), то и для этнических групп на территории Российской Федерации и для национальных окраин, в том числе и для Северного Кавказа, сейчас тоже существует проблема формирования национальных политических проектов, кроме чеченского, который более-менее построен. Потому что чеченцы воевали против России два раза, первый раз вообще успешно. И чеченский политический проект по крайней мере обрисован, он как бы есть. Чеченский политический проект чувствует каждый чеченец. Что такое свободная Ичкерия, понимает любой чеченец, даже который сейчас живет в кадыровской Чечне. Но для многих других народов это очень сложно построить. Фольклорно, да, есть. Для национальных республик, для которых понятно, кто они. Они понимают, они знают точно, что мы черкесы, мы балкарцы, мы ногойцы. Они четко это понимают и знают. Но дальше начинается разговор о том, что это такое. Мы уходим в историю, в споры про то, чья лошадь – это кабардинская или нет? В эти бесконечные споры о прошлом. **Чего не хватает нам всем, наверное, это взгляда в будущее, причем именно политического видения этого будущего.** Его не хватает, и это во многом мешает нам самоопределиваться.

В. Штепа — Вы знаете, Денис, я бы здесь заметил, что, может быть, необязательно сводить какие-то различия только к этническим. Я помню, как мы в прошлом году [беседовали](#) с Владиславом Аммосовым, командиром Сибирского батальона, и он сказал, что у них в батальоне нет каких-то этнических трений. Там все сибиряки, есть и якуты, и буряты, и русские и так далее. Но русские именно местные. У них такой свой сибирский менталитет существует. И я бы заметил, например, что ингерманландское движение нельзя трактовать как сугубо этническое, там люди определяют себя именно по региону.

Д. Соколов — Вадим, я не предлагаю трактовать ее как этническую, я говорю как раз именно про **региональную идентичность**. Она, к сожалению, не сформирована на сегодня, практически отсутствует. Мы говорим про Ингерманландию, либо про Санкт-Петербург, Ленинградскую область, либо про весь Северо-Запад, и я бы с удовольствием про это разговаривал. Я сам родом из Петербурга, и, в принципе, мне эта регионалистика очень даже близка. Но надо понимать политически, кто мы, куда мы идем. Это не сформулировано, это не про этнические вещи, это про тот самый действующий миф о том, кто мы такие, что мы делаем и как мы это делаем, и чего мы добиваемся. **Это может быть конструкция, основанная на общих интересах, основанная на некоем общем проекте, в ходе которого и формируются политические нации, формируются гражданские нации в ходе реализации проектов будущего.**

И то, что мы видим, если заглянуть сейчас в Украину, там происходит формирование гражданской нации. Там еще до конца не осознано, что тот, кто сражается сегодня за Украину любым способом, он и есть гражданин, он и есть рабочее тело гражданской нации, которая возникает на глазах у всего мира. **В России пока ни одной такой гражданской нации не возникает.** И в этом смысле в России никакие процессы еще не начались. В России мы находимся, наверное, в фазе приближающейся к распаду того имперского конструкта, который многие очень боятся утратить. Люди боятся потерять

ту идентичность, которая абсолютно токсична, она абсолютно непродуктивна. Она смотрит в какое-то архаичное прошлое. Но при этом, если они от нее отказываются, то замены нет. **И далеко не все готовы пойти как наши добровольцы. Некоторые из них, а я бы даже сказал, многие шагают в неизвестность, они идут искать себя.** Как один из наших, я не устаю повторять эту прекрасную фразу одного из наших добровольцев, что под Авдеевкой он обрёл покой, он нашёл себя там. Потому что он в самом жёстком месте, в самой горячей точке, существующей сегодня в мире, на самой передовой борьбы со злом. **Он на правильной стороне, и он делает то, что он должен делать. Может быть, в этом основа идентичности тех русских, которые должны появиться.**

В. Штепа — Вы знаете, я полагаю, что такая несформированность регионалистских движений в нынешней России в принципе объяснима, потому что в России сейчас никакой политики не существует, тем более региональной политики. Любому человеку, который будет заявлять об интересах своего региона, тут же пришьют уголовную статью о призывах к нарушению территориальной целостности и так далее. Мы знаем массу таких примеров. Но нас, как регионалистское издание, особенно интересует взгляд с позиции различных регионов. Если не секрет, из каких республик и областей к вам идет основной поток добровольцев?

Д. Соколов — Отовсюду идут: из Петербурга, из Москвы, с Урала, из Сибири, с Дальнего Востока, с юга России. Отовсюду идут люди. Это вопрос вообще не про регион – нет какого-то предпочтения. Люди идут отовсюду. Но я бы сказал, что совершенно не обвиняю никого в том, что регионалистских движений нет — это, конечно, объяснимо. Знаете, как патологоанатом может объяснить смерть разными способами. Пока разговор про регионалистские идентичности, про регионалистские политические проекты и про проекты вообще политические на месте Российской Федерации — это разговоры, скорее, про их отсутствие.

В. Штепа — Виртуальные они пока.

Д. Соколов — Это исторический разговор патологоанатома, а не врача. Мы говорим не про болезнь, мы говорим про причины и условия небытия. Но, **если всё посыплется, а всё посыплется, мы можем стать свидетелями стремительного формирования вот этих самых новых проектов и новых идентичностей.** И мы будем удивлены, наверное, тем, что **никто из тех, кто сегодня пытается рисовать флаги и размахивать ими, не окажется на вершине этой волны.** Будут другие люди, скорее всего. А, может быть, нет. Мы не можем этого сказать. Потому что я вижу среди тех людей, которые идут воевать, тех, кто может стать основой этих региональных движений в каком-то ближайшем будущем. Но среди этих людей нет никого, кто сейчас в Facebook изображает вот эти регионалистские проекты.

В. Штепа — Понятно. Также нас очень интересует развитие ситуации приграничных с Украиной российских регионов: Белгородская, Брянская, Курская области. Об этом официальная российская пропаганда дает очень скудную информацию. У вас наверняка информации больше. Так вот, меняется ли там сознание у людей? Особенно, когда, например, [Белгородская область подвергается российским же бомбардировкам, а пропагандист Соловьев называет белгородцев «тварями»](#). Там продолжают все-таки верить в московскую пропаганду или в ней уже начинают сомневаться?

Д. Соколов – Как я уже заметил – увы, **пока нет альтернативного проекта**. То есть та самая история: людей может сколько угодно не устраивать ситуация, в которой они оказались, но у них нет никакого альтернативного, добротного предложения. Есть фольклор, есть какая-то конъюнктура, есть попытки разных людей продать себя в виде медийных историй, в виде аватарок. Но этому люди не верят, потому что этого не существует на самом деле. Это пыль. А реально — ничего нет. И эти регионы превращаются постепенно в прифронтовые: кто-то оттуда уезжает, кто-то пытается, кто-то ленится уезжать. Меняются условия жизни, становится неудобно, потому что там военных много. Условия взаимодействия гражданских и военных администраций меняются всё время.

Да, процесс идёт, но это не формирует каких-то новых идентичностей. Политических проектов там не было и нет пока. Это не значит, что они не могут возникнуть, они возникнут быстро. Потому что, как только посыплется вот эта вертикаль, она на самом деле очень хрупкая, у неё проблемы с прохождением сигналов большие, в ней разрушены все государственные институты, начиная от правовых и заканчивая какими-то горизонтальными парламентскими взаимодействиями. **Ничего нету, нет никаких институтов — государство осталось только в Москве и в нескольких крупных мегаполисах, во всех остальных существует какая-то странная мафиозная система управления, которая скрепляется архаичной идеологией.** Это кошмар, это темная история. Как один мой знакомый сказал, что лучше всего эта история описывается в фильме Звягинцева «Левиафан». Пока ничего нет. Но это изменится очень быстро, как только возникнет возможность и необходимость.

В. Штепа — Каков в целом результат рейдов добровольческих формирований на российскую территорию? Можно ли представить в перспективе освобождение какого-то населенного пункта и организацию там принципиально иной власти, например, под бело-сине-белым флагом? Это, на мой взгляд, был бы логичный и зеркальный ответ на то, что Россия оккупирует целые регионы Украины.

Д. Соколов – Вы говорите сейчас о некой фантазии, которая, к сожалению, не разрешена мировым сообществом. То есть, **на сегодня, начиная с американского правительства и за ним все остальные правительства цивилизованного мира, они не приемлют и не готовы видеть российское вооруженное сопротивление на территории России.** Пока это так. Очень сложно что-то сделать в этом направлении. Этого не позволит ни Украина, российские добровольцы могут заходить на территорию Российской Федерации, проводить там какие-то рейды, **но никто нам сейчас не позволит набрать ресурсов, чтобы прочно занять какую-то территорию.** Я сейчас говорю, не какой там флаг – бело-сине-белый или какой-то другой. Я понимаю, что хочется как бы поразмахивать чем-то, но давайте без этого. Просто реально — условий на сегодня пока нет, но это не означает, что они не появятся завтра. Потому что война разворачивается.

Со временем Европа, Штаты начнут понимать, что никакого другого варианта закончить эту войну, кроме как в Москве, нет. По ходу будет возникать и другое отношение к российскому вооружённому сопротивлению. Мы живём в цивилизованном мире, и с одной стороны это прекрасно, с другой стороны — это очень тяжело. Потому что любое вооружённое сопротивление воспринимается цивилизованным миром как «терроризм». Любое вооруженное восстание (вроде как бы мы имеем согласно Конвенции ООН право на вооруженное восстание — народ имеет, но так много поправок, которые любую попытку этого восстания криминализируют),

практически невозможно совершить сейчас, но придется. **Вот эта война не оставит нам никаких других вариантов, кроме как разрушить империю.** То есть, если мы не хотим хаоса на территории Российской Федерации, надо что-то с этим делать. Надо какие-то институты, какие-то силовые структуры, которые смогут ограничить хаос и насилие на этой территории. **И я не вижу никаких потенциальных экспедиционных корпусов, которые могут забрать этот кусок земли и организовать на нем порядок, кроме нас самих.** Поэтому нам придется это все делать самим когда-то. Может быть завтра, может быть через год, может быть через 10 лет, но это неизбежность.

Я не готов говорить точно за Белгородскую или за Курскую республику. Как-то это все будет по-другому. **Территория Российской Федерации так причудливо переплетена между собой: административные границы не совпадают с этническими, этнические не совпадают с политическими, политические не совпадают с экономическими.** Поэтому это все может быть очень болезненно. Но это как-то должно произойти. Это большая работа, это тяжелая работа, это организационная работа. У нас нет на сегодня реальной организации политической, похожей на то, что была в 17-м году прошлого века. То, что у нас есть, это просто детский сад, это просто смешно. Про это стыдно говорить. Но это появится. Это появится, потому что у людей есть интересы. И если это не сделаем мы, это сделают другие. И как это будет выглядеть, зависит от того, кто будет это делать. Вот и всё.

В. Штепа — Денис, мне всё-таки интересно, да и многим нашим читателям интересен вопрос: почему Запад так опасается реального входа российских независимых добровольческих формирований в Россию? То есть они боятся, что Россия тогда сможет пойти уже на ядерную войну?

Д. Соколов — Да, Запад опасается развала России, он почему-то считает, что этого можно каким-то образом избежать, хотя нам не нужно ничего делать для развала России — это сделает Владимир Владимирович Путин и его окружение. Они это сделают быстрее и лучше, чем кто угодно. Да, Запад опасается применения ядерного оружия, конечно. Они хотят, чтобы всё оставалось по-прежнему. Они, как и 85 лет назад, как было перед Второй мировой войной, не хотят войны, потому что это экономически невыгодно, это большие потери, никто не хочет никаких изменений. Та бюрократия, которая сейчас правит миром глобально, те бюрократы, которые сейчас наверху, они хотят остаться наверху. **А война толкает их в совершенно другой мир, в котором придут другие люди.** Не только в России, не только в Украине придут другие люди, и везде.

В. Штепа — Неужели они не понимают, что если сохранится этот москвоцентричный имперский режим, то он будет постоянно угрожать тому же Западу? В общем, это замкнутый круг получается: они фактически поддерживают этот режим, который им постоянно угрожает, называет Запад «сатанинским» и так далее.

Д. Соколов — Вопрос, на самом деле, состоит только в ядерном оружии сегодня. Потому что, собственно, если ядерное оружие убрать, то что такое Россия? 1% мирового ВВП? Что это? Она не представляет никакой опасности. **Без Китая Россия не в состоянии воевать. Потому что весь военно-промышленный комплекс Российской Федерации – это устиновские запасы на базах хранения железа и комплекующие, которые поступают из Китая.**

В. Штепа — Еще иранские дроны, северокорейские снаряды и так далее.

Д. Соколов — Ну, за обоими этими режимами стоит Китай. Потому что иранские дроны невозможны без комплектующих из Китая. Так или иначе, Китай не будет поставлять танки, не будет поставлять пушки, потому что они сами не могут сделать стволы без немецких станков. Для Европы и для Штатов важнее всего, чтобы ядерное оружие не было применено, потому что это вообще изменение правил игры моментально, всё меняется сразу. И, наверное, важно, чтобы Российская Федерация не развалилась, потому что никто не понимает, что с ней делать. Если она развалится, что будет такое: беженцы, не беженцы, это будет какой-то хаос. Но плохая для них новость в том, что она развалится все равно, поэтому, по крайней мере, надо как-то готовиться к тому, что придется иметь дело с другими людьми, с региональными элитами, с национальными элитами. Да, они выделятся, они появятся, об этом можно не беспокоиться. **Просто тот, кто будет сейчас строить рабочие организации, работающие прежде всего на земле, тот и будет участвовать в этой большой игре.** А тот, кто не будет, тот и не будет.

В. Штепа — Денис, спасибо большое вам за очень интересные ответы! Желаем успехов в вашей работе.

Д. Соколов – Надеюсь, не слишком разочаровал? Спасибо!

<https://www.youtube.com/watch?v=wnHxXsYwXj8>

Политика России как результат истории

Потрясение, глубоко запавшее в коллективную психику русского народа, произошло около 750 лет назад, когда в заснеженных русских лесах появились первые монгольские всадники. Зимой 1237/38 года Русь была завоевана и опустошена монголами. Европа была спасена. Но Русь должна была оставаться под контролем монголов в течение 250 лет. ([Геррманн Райх, экономист](#))

В долгосрочной перспективе монгольское правление окажется катастрофическим для дальнейшего развития России. Раньше существовали федералистские структуры и стабильные отношения собственности. Однако при монголах были заложены основы последующего властного положения русских великих князей и, следовательно, централизованной системы правления со всеми вытекающими последствиями, какой прежде никогда не существовало на Руси. Это определило курс дальнейшей российской истории. ([Геррманн Райх, экономист](#))

Колыбелью Москвы была кровавая грязь монгольского рабства, а не грубая слава норманнской эпохи, а современная Россия является лишь метаморфозой этой монгольской Москвы. ([Карл Маркс, 1856 г.](#))

Под властью монголов Россия стала «азиатской деспотией». Это относится к деспотической системе правления, которая имеет следующие характеристики: Индивидуальные права собственности играют лишь незначительную роль. Большая часть земли принадлежит государству. Правящий класс определяется своим положением в государственном аппарате, а не частной собственностью на средства

производства. Отдельные центры власти вне правящей семьи и государственного аппарата, такие как самоуверенное дворянство, автономные города или независимая церковь, не существуют. ([Геррманн Райх, экономист](#))

Историк Фрэнсис Фукуяма так описывает влияние монголов: «В отличие от христианских князей Европы, монгольские правители считали себя чистыми эксплуататорами завоеванных ими народов. Это были племенные правители, не признававшие ни политических институтов, ни правовых теорий. Они не делали вид, что правление существует ради блага народа. Они сурово наказывали за сопротивление и без колебаний казнили все население города, чтобы показать, кто здесь главный. Монголы обучили несколько поколений русских лидеров своей эксплуататорской тактике». ([Филип Лёпфе, журналист](#))

Молодой Шойгу [ныне министр обороны Путина] с энтузиазмом воспринял историю «черного барона» Романа фон Унгерн-Штернберга, воевавшего в российско-монгольском приграничье во время гражданской войны. Как один из первых евразийских мистиков, фон Унгерн-Штернберг мечтал о восстановлении империи Чингисхана и новом «походе на запад» с участием народов Азии. Отец министра Кушугет Шойгу был известен как народный целитель и «истинный хранитель народных традиций», что помогло ему сделать партийную карьеру при стареющем Брежнев. Судя по всему, знаменитые совместные поездки Путина и Шойгу по сибирским «местам силы» имеют и духовное объяснение. ([Александр Солдатов, религиовед](#))

Поскольку Путин продолжает перечислять то, что предположительно все еще принадлежит России по историческим причинам, бывший президент Монголии просто перевернул ситуацию и представил доказательства того, что Россия была колонией Монгольской империи и, согласно логике Путина, Монголия по-прежнему имеет на это право сегодня. В России есть:

Mongol Tsakhia ELBEGDORJ ✓

@elbegdorj · Folgen

After Putin's talk. I found Mongolian historic map. Don't worry. We are a peaceful and free nation 🌍

🔧 Zuletzt bearbeitet 12:13 vorm. · 12. Feb. 2024

Особой иголкой в этом посте является слово «нация», поскольку России еще не удалось деколонизироваться и стать нормальным национальным государством.

Страх за свою безопасность определяет стратегию России, а для России безопасность предполагает контроль над соседними странами. ([Элисон Смейл, журналист](#))

К началу XVI века в России сложилась самодержавная форма правления, не имевшая аналогов в Европе. Своего расцвета оно достигло во времена правления Ивана Грозного (1547–1584). В кровавой «революции сверху» он пытался ликвидировать целый социальный класс — высшую аристократию — и заменить его новым социальным классом, полностью зависимым от государства. На огромных территориях Российской империи имущество дворянства было конфисковано, а бояре переселены или убиты. Освободившиеся земли раздавались в качестве служебного товара царским фаворитам. Это были поместья, которые были пожалованы царем на ограниченный период времени в обмен главным образом на военную службу и могли быть им возвращены. При таком своеобразном сочетании землевладения и служебных обязанностей исчезли традиционные права наследования и собственности дворян. Они теперь полностью зависели от милости царя. Российская система правления принципиально отличалась от западноевропейского феодализма, в котором политическая власть была децентрализована и ограничивалась дворянством, церковью и автономными городами. В России дворянство, церковь и города контролировались государством, которое, по Виттфогелю, было «сильнее общества» и в котором слабость дворянства и «слабая частная собственность» составляли структурную основу царского

режима. Даже в России XIX века еще можно встретить многие черты «восточного деспотизма»: царская власть оставалась абсолютной. Подчинение церкви государству сохранялось. Мало что изменилось в отсутствии автономии городов. Классовая система в европейском понимании не могла развиваться. Нестабильность отношений собственности соответствовала доминирующему положению государства в российской экономике. К концу 19 в. примерно две трети промышленных рабочих было занято на государственных предприятиях. Российская банковская система находилась преимущественно в руках государства. Демократическая Февральская революция 1917 года, казалось, преодолела эти структуры. Но через шесть месяцев, во время Октябрьской революции, они снова восстали в другом обличье. При коммунистическом режиме возникло государство, обладавшее всемогуществом, которое затмило большинство восточных деспотий, известных в истории. На этом фоне тезис о России как о «восточном деспотизме», каким бы старым он ни был, и сегодня кажется весьма правдоподобным. Россия не только находится вне европейской истории, она в этом смысле даже более «азиатская», чем многие азиатские страны. ([Геррманн Райх, экономист](#))

Иван Грозный требовал абсолютной власти и безусловного повиновения, повсюду чуял предательство, приказал своей тайной полиции пытаться или даже казнить десятки тысяч человек и превратил страну в огромный концентрационный лагерь. Таким образом, Иван стал пионером средневековья для Иосифа Сталина. ([Филип Лёпфе, журналист](#))

Традиция России как жаждущей земли империи восходит непосредственно к средневековой Москве, которая превратилась в экспансионистское государство в 16 веке под властью Ивана Грозного. ([Кристи Райк, министр иностранных дел Финляндии](#))

Россия была основана как экспансионистская империя, ее царь превратился в завоевателя. ([Саймон Себаг Монтефиоре, историк](#))

Если московские цари, осуществлявшие свои территориальные приобретения главным образом с помощью татарских [монгольских] ханов, были вынуждены татаризировать Москву, то Петр Великий, решивший работать с помощью Запада, был вынужден цивилизовать Россию. Захватив прибалтийские провинции, он сразу заполучил инструменты, необходимые для этого процесса. Они не только предоставили ему дипломатов и генералов, т. е. мозги, необходимые для осуществления его системы политической и военной ориентации на Запад, но также предоставили ему армию бюрократов, школьных учителей и пуговиц на штанах, которые дали русским тот лак цивилизации, который позволил им получить доступ к техническим достижениям народов Запада, не наполняя их своими идеями. ([Карл Маркс, 1856 г.](#))

Исторический факт: уровень образования на правом берегу Днепра был выше, чем в Москве, потерявшей за столетия борьбы и сосуществования с монголами связь с Европой. Это ярко продемонстрировали литургические реформы 1660-х годов, которые в конечном итоге привели к постоянному расколу в Русской Православной Церкви, известному как Раскол (раскол). Высокообразованное украинское духовенство стало проводником западной мысли и связующим звеном с греческим миром, от которого Москва была отрезана собственной изоляцией. ([Рене Ньюберг, дипломат](#))

Западные регионы царской империи, такие как Польша, Финляндия и страны Балтии, были более экономически развиты, чем основная часть России, и имели более высокий

процент грамотного населения. В Советском Союзе технологическими лидерами были прежде всего страны Балтии. ([Андреас Каппелер, историк](#))

Страх за свою безопасность определяет стратегию России, а для России безопасность предполагает контроль над соседними странами. ([Элисон Смейл, журналист](#))

Россия – это прежде всего центральная часть Москвы. Он расположен в центре Евразийской равнины, которая простирается от северного французского атлантического побережья до Тихого океана и практически не имеет физических барьеров, служащих для защиты. Фактически, на протяжении всей истории Россия неоднократно подвергалась нападениям, сначала со стороны монголов и других степных народов. Эта угроза исчезла только тогда, когда правители Москвы завоевали Сибирь. Но с Запада Россия оставалась уязвимой – как ясно показали войны против Наполеона, Германской империи и нацистского режима. У России всегда было только одно решение этой проблемы: доминировать на как можно больших территориях в непосредственной близости от нее. Царская империя расширялась все дальше и дальше на запад и юг, сначала захватив Украину, затем большую часть Польши, а затем также Кавказ и большую часть Средней Азии. Это имело огромные последствия для внутреннего состояния страны: поскольку управление другими народами требовало сильного руководства, готового применять насилие, царская империя была особенно репрессивной. А поскольку в армию приходилось инвестировать огромные суммы, Россия, которая уже находится в экономически невыгодном положении из-за своего географического размера, сурового климата и отсутствия морских торговых путей, всегда оставалась беднее, чем государства, расположенные дальше на запад. Первая мировая война сокрушила царскую империю в военном и экономическом отношении: она рухнула в революционный 1917 год. Та же картина продолжалась и после прихода к власти коммунистов: Советский Союз был внутренне репрессивным, внешне агрессивным и чувствовал себя вынужденным совершать огромные военные расходы, которые ложились тяжелым бременем на экономику. После 1945 года, благодаря жертвенной победе над Адольфом Гитлером, Российская империя достигла своего наибольшего географического расширения: Варшавский договор достиг Центральной Европы. Ядерный арсенал спас СССР от еще одной крупной сухопутной войны, но не от расходов на оборону. Как и Первая мировая война, Холодная война привела к экономическому коллапсу, который привел к распаду империи. С распадом Советского Союза в 1992 году Россия более или менее вернулась к границам, которые у нее были до Петра Великого в 17 веке. Она потеряла не только Польшу и страны Балтии, но также Белоруссию и Украину. С точки зрения России, это границы, которые невозможно защитить, когда они окружены врагами. Эта национальная одержимость делает Россию аутсайдером в мировой политике и особенно в Европе, где только Сербия продемонстрировала подобные тенденции после распада Югославии. Но обречена ли Россия на это, или она сможет стать нормальной страной в постпутинскую эпоху, чья миссия — предложить своему народу жизнь в процветании и мире? ([Эрик Фрей, журналист](#))

Путинский режим, имеющий, конечно, сталинские корни, до сих пор паразитирует на великой победе во Второй мировой войне, и чем глубже само это событие проникает в историю, тем больше оно мифологизируется. Я думаю, что сегодня многие молодые российские граждане даже не знают, что СССР воевал против Гитлера в коалиции с Великобританией и США, они не знают, какую большую роль в победе сыграл американский ленд-лиз. ([Гарри Каспаров, чемпион мира по шахматам и оппозиционер](#))

Поскольку власть над другими народами требует сильного руководства, готового применять насилие, Царская империя была особенно репрессивной. А поскольку в армию приходилось инвестировать огромные суммы, Россия, которая уже находится в экономически невыгодном положении из-за своего географического размера, сурового климата и отсутствия морских торговых путей, всегда оставалась беднее, чем государства, расположенные дальше на запад. Первая мировая война сокрушила царскую империю в военном и экономическом отношении: она рухнула в революционный 1917 год. Та же картина продолжалась и после прихода к власти коммунистов: Советский Союз был внутренне репрессивным, внешне агрессивным и чувствовал себя вынужденным совершать огромные военные расходы, которые ложились тяжелым бременем на экономику. Как и Первая мировая война, Холодная война привела к экономическому коллапсу, который привел к распаду империи. ([Эрик Фрей, журналист](#))

Основание двух великих социалистических держав, Советского Союза и Китайской Народной Республики, в качестве квазиимперских многоэтнических государств является одним из важнейших геополитических основ 20-го века. Напротив, по всей Европе политики и общественность быстро смирились с потерей колоний и имперского статуса и смирились с уменьшением роли обычных национальных государств. Ретроимпериализм сыграл вряд ли важную роль в бывших колониальных державах Западной Европы. Даже политические правые не сделали это своей программой. Британская империя, крупнейшая из всех и единственная, охватывающая все континенты, сокращалась особенно незаметно. ([Юрген Остерхаммель, историк](#))

С февраля 1917 года термин «республика» (от лат. «общественное дело») активно внедряется в русский политический лексикон. И подавил «государство» на некоторое время, пока большевики его не возродили. Каждый генеральный секретарь, в свою очередь, фактически стал «сувереном». Парадокс, однако, в том, что при президентах «свободной России» этот персоналистский произвол еще больше усугубился. Примечательно, что ни Ельцин, ни Путин, ни Медведев никогда не принимали участия в телевизионных предвыборных дебатах со своими оппонентами. «Не дело короля ссориться с рабами». Так власть в постсоветской России стала строиться по принципу «суверенных преемников», что, очевидно, делает все президентские выборы предсказуемыми и чисто формальными. ([Вадим Штепа, философ и журналист](#))

Единственного человека, который мог бы поднять знамя демократии и встать на пути «хранителей», а точнее стражей единой и неделимой Имперской России, уже не было в живых. Я говорю о Сахарове, конечно, мир бы его послушал. В результате мы имеем еще одну территориальную империю, построенную на весьма жалких идеях «русского мира», дошедшую до полного абсурда в попытках отрицать существование украинского народа. Для территориальных правителей не существует обязательной имперской культуры. Нет ничего, что могло бы укрепить народы и регионы, кроме открытого насилия. ([Андрей Смирнов, монах-отшельник](#))

Колониализм и экспансионистские стремления России неоднократно демонстрировались народам Центрально-Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии в десятках зачастую кровавых нападений в различные исторические эпохи. ([Андреас Умланд, эксперт по Восточной Европе](#))

Россия лежит как зомби в могиле, и то и дело вылезает рука из-под земли и что-то хватает - см. Чечню, Молдавию, Грузию или вот Украину. ([Владимир Каминер, писатель](#))

«Россия нигде не останавливается» — это практически официальная формула. Это стандартное определение империи, потому что империя не признает границ. Первые границы в Европе появились в 1648 году, когда был заключен Вестфальский мир, ознаменовавший конец империй. Именно тогда впервые возникла идея проведения границ между странами: «Вот мы, вот вы». Империя не признает эту идею: «Мы там, куда бы мы ни пришли». И ты там, где нас еще нет. Как только мы доберемся туда, ты уйдешь». В этой логике границ по сути нет, и не случайно мы никогда не слышим об официальном признании Россией каких-либо границ. ([Григорий Юдин, социолог](#))

Россия — последняя классическая империя в мире, целью и главным смыслом существования которой является постоянное территориальное расширение. Это основной мотив внешней и внутренней политики страны и главная причина войн, которые Россия развязала в последние десятилетия. Ильин, Проханов, Дугин и другие философы, чьи идеи использует Путин и вся российская политическая элита, вдохновлены идеей России как империи. Эти философы — откровенные фашисты и не скрывают этого. ([Андрей Власов, журналист](#))

Российский случай имеет совершенно иное измерение. За очень короткий период времени российское государство пережило трехкратное снижение международной мощи, что является уникальным в мирное время: как имперский центр по отношению к Прибалтике, Белоруссии, Украине и Центральной Азии, как присутствующий в военном отношении гегемон в восточно-центральноевропейском блоке и как держава ядерного баланса с глобальным диапазоном угроз, уважаемым США. К этому добавились обвал благосостояния населения в эпоху Ельцина и распад государственных и квазигосударственных органов из-за коррупции. Это произошло со страной, правители которой считали себя лидерами первоклассной великой державы со времен Ивана Грозного. Не случайно истерически восклицаемое «величие» стало руководящей ценностью политики. Множественные деградации такого масштаба в масштабах международной иерархии не были связаны ни с каким другим деколонизационным процессом XX века. ([Юрген Остерхаммель, историк](#))

Путинский режим, имеющий, конечно, сталинские корни, до сих пор паразитирует на великой победе во Второй мировой войне, и чем глубже само это событие проникает в историю, тем больше оно мифологизируется. Я думаю, что сегодня многие молодые российские граждане даже не знают, что СССР воевал против Гитлера в коалиции с Великобританией и США, они не знают, какую большую роль в победе сыграл американский ленд-лиз. ([Гарри Каспаров, чемпион мира по шахматам и оппозиционер](#))

Распад советской империи в 1991 году потряс большинство россиян; они страдают от постимперской травмы. Цель неоимперской политики теперь состоит в том, чтобы восстановить и сохранить, по крайней мере, российскую гегемонию над бывшей советской сферой влияния. ([Андреас Каппелер, историк](#))

Путин прав, когда обвиняет Ленина в падении Советского Союза. Большевики ввели право на отделение отдельных советских республик, которое вступило в силу в 1991 году. ([Рене Нюберг, дипломат](#))

Еще в 1994 году в своем первом интервью после избрания первым заместителем мэра Санкт-Петербурга Путин говорил о советских республиках, в том числе и об Украине, как об искусственных образованиях, не имевших права на существование как государства. Он обвинил большевиков в том, что они намеренно раскололи Россию на отдельные государства и тем самым привели к распаду империи. Уже тогда его взгляд был устремлен на царскую Россию. ([Кэтрин Белтон, журналист-расследователь](#))

Отсутствие конституционного государства, рабство до второй половины XIX века, жестокие правители, загнивающее дворянство и жестокие коммунисты сформировали Россию. Историк Джон ЛеДонн описывает результат следующим образом: «Это объясняет, почему российское правительство в большей степени, чем любое другое, является правительством людей, а не институтов». Владимир Путин продолжает эту традицию. Говорят, что в его кабинете висит фотография царя Николая I (1796-1855), авторитарного и консервативного правителя. Путин также теперь установил фундаментально авторитарный режим. Он опирается на непрозрачную сеть сильных людей, подавляет оппозицию и прикрывает все это псевдодемократическим плащом. Экономический порядок — это своего рода произвольный государственный капитализм, от которого получает прибыль олигархия. Путин все больше отказывается от любых псевдодемократических оправданий. Он запрещает НПО, арестовывает деятелей оппозиции, провоцирует против гомосексуалистов и разжигает среди населения худший шовинизм. ([Филип Лёпфе, журналист](#))

Несмотря на сильную религиозность и набожность, русские правители неизменно основывают свои интересы и намерения на всех смертных грехах. Нет ни одного, который не был бы основой их мировоззрения. С такой этикой крайне проблематично продвигать собственные смыслы. Но у них нет ничего другого. ([Мюрид Эль](#))

Каждый самодержец соревнуется с позолоченными и титаническими призраками прошлых императоров. Немногие автократы могут быть Петром или Сталиным, но Путин мечтает о таких победах. ([Саймон Себаг Монтефиоре, историк](#))

Сегодняшняя Российская Федерация – многонациональное государство. Жителей в основном называют русскими, а не этническими русскими. Чечня была единственным регионом, провозгласившим независимость в 1991 году. Результатом стали две ужасные войны. ([Андреас Каппелер, историк](#))

Инициатива вступления в НАТО исходила от населения практически всего бывшего Восточного блока – не в последнюю очередь из-за страха перед Россией. Как мы видим сегодня, этот страх оправдан. ([Андреас Каппелер, историк](#))

Украинцы и другие народы, ранее входившие в состав Российской империи – Московской, царской, советской и постсоветской – подвергались аналогичным нападениям, иногда по схожим причинам. Нынешняя агрессия России является последним проявлением многовековой колониальной политики и имперской экспансии Москвы. ([Андреас Умланд, эксперт по Восточной Европе](#))

Европейцы верят, что существует европейский мирный порядок. Но это неправда. У них постимперский порядок, основанный на поражении. Австрия сегодня является этой замечательной страной, потому что она проиграла войну, потому что проиграл Третий Рейх. Именно поражения империи позволили европейскому проекту существовать и процветать. На протяжении десятилетий европейцы говорили себе, что в России

миролюбиво. Не так ли. А чтобы европейский проект продолжился, европейцы должны помочь России проиграть имперскую войну. ([Тимоти Снайдер, историк](#))

Сначала разжигают беспорядки, потом присылают «зеленых человечков», потом раздают российские паспорта. В конце концов, российские войска вступают, чтобы защитить «новых русских» от «геноцида». Точно так же, как это снова происходит в Украине. ([Владимир Рыжков, оппозиция](#))

Войска вторгаются в определенный район, берут под свой контроль коммуникации в этом регионе, пытаются отрезать живущих там людей от внешнего мира, чтобы предоставить им отфильтрованную информацию и дезинформацию о войне с российских объектов. Это чрезвычайно опасно. Потому что речь идет не только о промывании мозгов людям и обеспечении их лояльности, но и о выявлении «нарушителей спокойствия» в этой области, которые активны в социальных сетях. ([Андрей Солдатов, журналист-расследователь](#))

Путин читает историю Советского Союза и России середины XX века как героическую оборонительную битву против фашизма и дорогостоящий (единственный) триумф Красной Армии над нацистской Германией; сегодня, как известно, он (также) рассматривает свою кампанию уничтожения против Украины как продолжение. Эта оборонительная борьба носит пропагандистский характер - и он всегда может рассчитывать на одобрение многих россиян, чтобы активизировать антинемецкое недовольство. ([Дитер Шнаас, журналист](#))

Путин никогда не предполагал, что развязанная им война глубоко изменит Европу. Он подтолкнул Финляндию и Швецию к вступлению в НАТО и открыл двери для членства Украины в ЕС. Когда война закончится, Россия столкнется на своих границах с двумя преданными в военном отношении и боеспособными соседями, столкнувшимися с общим врагом. Польша и Украина связаны более тесно, чем когда-либо прежде в истории. ([Рене Ньюберг, дипломат](#))

Россия сейчас является всего лишь сосудом, лишь второстепенным компонентом китайской внешней политики. Россия больше не имеет права голоса в управлении миром. ([Виктор Ющенко, бывший Президент Украины](#))

Команда юристов из разных стран сейчас ищет механизмы. Они представляют список всех инструментов, которые могут быть использованы для лишения России права на постоянное членство в Совете Безопасности ООН. ([Виктор Ющенко, бывший Президент Украины](#))

Недооценка Европы — самая большая ошибка всех времен в политике Путина. Обнаружившаяся сейчас недооценка Европы является важнейшей ошибкой политики Путина за весь срок его правления. Он настолько уверился, что Гайропа увлечена экологическими и гендерными дискуссиями, раздирается китайскими корпорациями, поет свою прощальную песню и представляет собой смесь гомосексуалистов и дома престарелых, что никогда не ожидал, что они внезапно появятся с такой проворностью. что Макрон прямо говорит, что у них нет «красных линий» в отношении России. Только Европа, без Америки, способна самостоятельно снабдить Украину достаточным количеством оружия, чтобы позволить ей победить. А если этого мало, то они готовы сами вступить в войну и отправить свои войска на Украину. Европа начала действовать без оглядки на США, и даже если бы штаты позже присоединились к европейским

усилиям, они уже не играли бы в этом концерте первую скрипку, как раньше. Европа внезапно осознала свою субъективность, и это, пожалуй, самое важное событие за последние восемьдесят лет. ([Альфред Кох, бывший вице-премьер РФ](#))

Объективно говоря, у Европы есть все условия для победы над Россией: ее экономика (ЕС+Великобритания) составляет более \$20 трлн против \$1,7 трлн на уровне России, а население в четыре раза превышает российское. Если мы добавим к этому базовому уровню немного решимости, у Путина не останется ни малейшего шанса. ([Альфред Кох, бывший вице-премьер РФ](#))

Я считаю, что в русской культуре действительно существует сильный имперский элемент и с этим пора бороться. Распад Империи – хороший момент для этого. На этом русская культура заканчивается? Нет, она этого не делает. ([Григорий Юдин, социолог](#))

«Дело о принадлежности Крыма и Севастополя закрыто. Полуостров — неотъемлемая часть России» ([Сергей Лавров, Министр иностранных дел Российской Федерации](#))

Вероятно, это общий знаменатель наших неудач, поскольку и олигархическая смена под руководством Ходорковского, и политическая окрошка, которую мы с Немцовым собрали, и движение Навального, несмотря на все их различия, имели что-то общее: ни одна из этих попыток не привела к роспуску партии. империя раньше! Даже в моей самой радикальной версии реформ не было сильного антиимперского элемента. Сегодня нам стало ясно, что любая попытка изменить ситуацию в России, не предполагающая ликвидации алгоритма имперской власти, обречена на провал. Единственный шанс вывести Россию из исторического тупика я вижу в расширении программы реформ после смены власти и полной отмене многовекового имперского правительственного механизма. ([Гарри Каспаров, чемпион мира по шахматам и оппозиционер](#))

Что нам делать с Москвой? Все идеи реформирования России, исходящие из Москвы, сразу теряют смысл, потому что их уничтожает имперская или московоцентричная составляющая. Соответственно, оппозицией в России правильнее называть только тех, кто находится в политическом спектре от воссоздания России с признанием права на свободу всех субъектов нынешней России до тех, кто уже определился с этим правом. . Кстати, у каждого региона свои возможности и только он должен решить, зачем и за какие деньги ему нужна Москва, если он не хочет и дальше жить без нее. Но все это возможно только при следующих условиях: во-первых, это победа Украины и ослабление Москвы. Во-вторых, речь идет о делегитимизации собственности московских олигархов на том единственном законном основании, что все они являются подставными лицами Путина и, соответственно, соучастниками его преступлений. В-третьих, это поддержка Западом права на самоопределение народов и регионов России. ([Виталий Гинзбург, физик и предприниматель](#))

Доминирование государства над обществом сильно в истории России, и от этого бремени истории трудно избавиться. С другой стороны, история открыта. В конце концов, Россия пережила краткие этапы демократизации после Февральской революции 1917 года, а также в конце 1980-х и в 1990-х годах. ([Андреас Каппелер, историк](#))

Война также является результатом нежелания взять на себя ответственность за сталинские преступления. Вполне возможно, что Россия потерпит военное поражение в

этой войне. Если бы она затем прекратила свое существование как страна, это могло бы помочь искоренить ее имперские амбиции. Я думаю, вполне возможно, что из-за этой войны Российская Федерация прекратит свое существование и распадется на несколько независимых государств. ([Дина Хапаева, культуролог](#))

Пять сил могут привести империю к краху: военные поражения, нефинансируемая чрезмерная экспансия, восстания порабощенных на периферии, сокращение поддержки со стороны правителей и людей в центре, а также крупные стихийные бедствия. ([Юрген Остерхаммель, историк](#))

Самое главное – это осознание того, что в России нет народа, что формирование народов еще впереди и отвечает интересам как проживающего там населения, так и всех соседних государств и народов. ([Виталий Гинзбург, физик и предприниматель](#))

Для колониальных империй вполне возможно избавиться от имперского груза и при этом потерять мало (или вообще ничего). Но для территориальных людей распад зачастую является катастрофой и фантомной болью, которая может длиться очень долго. ([Вадим Штепа, философ и журналист](#))

Российское государство уже максимально наглядно продемонстрировало свое превращение в левиафана-людоеда. Реальные перемены в России могут начаться только с возрождения республиканского сознания. И не в одной «Российской республике», где в силу централистской традиции неизбежно появится еще один «государь», а в десятках самых разных регионов, где власть по определению будет ближе к гражданам. Только тогда они смогут договориться о некоторых интеграционных проектах – пусть и на принципах ЕС, который не называет себя «государством». ([Вадим Штепа, философ и журналист](#))

Еще в 2011 году, когда в России начались так называемые московские протесты, многие люди вышли на улицы Москвы и Санкт-Петербурга, потому что не хотели, чтобы Путин баллотировался на следующий срок. ФСБ стала очень параноичной. Вы сказали, что Госдепартамент США изобрел еще один волшебный инструмент: социальные сети. Цель? Американцы хотят подорвать политическую стабильность в стране. Тогда замглавы ФСБ даже признался, что совершенно не знает, как справиться с проблемами, которые создают социальные сети. Поэтому много ресурсов армии, ФСБ и Кремля было вложено в разработку инструментов для решения этой проблемы. ([Андрей Солдатов, журналист-расследователь](#))